

ТЕАТР

Рубль Журн. - 2001. - 7-13 июня. - с. 7

Скупой был жаден до игры

Гарпагон Бориса Плотникова

В пору поспорить с самим Пушкиным, утверждавшим, что у Мольера "скупой скуп — и только". Не только, господа. Гарпагон Бориса Плотникова в спектакле Бориса Морозова "Скупой" в ЦАТРА — целая театральная игровая вселенная, где скупость, конечно, — центр и ядро, но вокруг нее наслоилось столько событий, эмоций, поступков и трюков, что стоит только руками развести. От удивления и истинного восторга. Плотников — артист от Бога, а потому, вольно или невольно, спектакль превращается в явный бенефис, где "король" Гарпагон с блеском играет самого себя, а заодно и "свиту".

Б. Морозова вслед за Мольером вдохновила комедия дель арте, где не нужен подробный психологизм, зато можно вволю наиграться, подучиться, грубовато пошутить и явить чудеса акробатической виртуозности. Где нет нужды роскошно декорировать сцену (ох, нелегкая это работа — приодеть сверхмассивные подмостки ЦАТРА). К тому же заявленная "скупость" подсказала художнику Иосифу Сумбаташвили гениально-остроумный ход: сцена девственно пуста и чиста. Лишь внушительных размеров кожаный кошель "символически" валяется в центре — на нем можно попрыгать, под ним можно спрятаться. А в финале — поднять к небесам как "памятник" всем скупердьям мира. Можно не слишком изощряться и над костюмами, а обрядить героев в стилизованные одеяния итальянских "масок": ромбики Арлекина, черный балахон Доктора, островерхие шляпы слуг-дзанни, ну и чуть-чуть французских "мушек" (костюмы Алены Сидориной).

Масочность преследует всех: юного горячего Клеанта — Ю. Сазонова, непокорную Элизу — О. Кабо, комично-валяжного Ансельма — В. Социального, светливого "Арлекина" Валера — А. Егорова, кукольную Мариану — Е. Климову, неуемную Фрозину — Н. Аристову, нервновзвинченного повара-кучера Жака — Н. Лазарева и всех прочих. То не упрек, а констатация факта — в заявленных условиях центростремительной игры им не разгуляться, можно только аккомпанировать, из тени в свет перелетая.

Но Гарпагон-то, Гарпагон! И "героem" его не назовешь, личность больно неприглядная, а ведь стал таковым. Ну что за дело Плотникову до "узости" и "однообразия" характера. Он его так размахнул, что и сцены мало — в зал бежит. Подумаешь, старичок 60 годов (по Мольеру). Наш-то поживее будет: и в "позе ло-

Фото М. ПУТЕРМАНА

Б. Плотников — Гарпагон

тоса" без труда устроится, и левой ногой до правого уха достанет, и с бодибилдингом, кажется, знаком. А уж почтенную Фрозину так с чувством обლობызает — любая молодка позавидует. Есть еще порох в пороховницах!

Ну жалко ему своих эю, а кому не жалко — свои же! Наизнанку вывернул слугу Лафлера — С. Данилевича: и карманы, и ботинки, и кулаки. Ничего украденного не нашел, расстроился даже. Шкатулку свою к груди прижал — баюкает нежно, как ребенка. А с собственного ребенка Клеанта чуть штаны не сорвал — роскошны больно. Тут же свой балахон задрал: смотри, мол, как на стареньких шнурочках все отлично держится. Фрозина ему про "экономию" женитьбы толкует — застыл, рот открыл, аж слюнки потекли. Жадина, конечно, но как он с этой жадностью играет, словно еще с одним партнером, не забывая при том с залом перемигнуться: оцените красоту игры!

А потом вдруг раз — и нет смешного старичка, в которого он мгновение назад перевоплотился (очки, седина, хромота, глухота), чтобы "поразить" невесту. О, ужас, ужас, ужас — украли шкатулку! И на сцене рвутся страсти почти шеक्सпировские, словно Гарпагон вдруг Лиром стал. Что за слезы, что за мольбы, что за проклятия — то ли утопиться, то ли повеситься? А, вот и мысль... Да ве-

ревки-то жалко. И тогда этот до ужаса комичный в своем горе Гарпагон долго и усердно плетет веревку из собственных слез и соплей, размазывая их по лицу и лысине и вновь собирая, прибывая башмаком к полу и закидывая на невидимую перекладину. А потом побежит в зал с протянутой рукой — ей богу, твоя рука так и тянется к карману, чтобы поделиться последним.

Ну не утопился, не повесился, никого не обобрал. Правда, почти натурально лишился рассудка, и в это сумасшествие опять с азартом поиграл. Выгучив глаза, взьерошив жиденькие волосенки, заплетая ноги и делая руками немислимые пассы, ведет Гарпагон — Плотников с Валером — Егоровым абсурдный диалог о дочери-шкатулке. Вернее, каждый о своем. Пока не хлопнется в уголке, укрывшись старой шалью, одурев от всего услышанного и увиденного. Проворонив при этом появление Ансельма и загадку интриги.

Рассудок, впрочем, вернется очень скоро — вместе с вождельной нетронутой шкатулкой. Обლობызав ее и прижав к груди, пустится Гарпагон — Плотников в бесшабашный пляс, а за ним — комедиантской цепочкой и все остальные. Игра ведь, не более. Но такую игру да каждый день — ни о каком "кризисе" театра никто бы и не вспомнил.

Ирина АЛПАТОВА